

Александр Кожейкин

Бог смерти

Первая глава

С середины октября в Кейптауне становится достаточно тепло для вечерних прогулок вдоль набережной. Хотя внезапно возникающий и так же быстро исчезающий южный холодный ветер Антарктиды никогда не позволяет туристам и жителям города полностью расслабиться, чтобы в полной мере насладиться нарастающими прелестями весны. Возможно, именно поэтому с наступлением сумерек многие с фешенебельной набережной Виктории и Альфреда перебираются в уютные кафе и рестораны старого порта Уотерфронт, переделанного в центр развлечений, или попросту отправляются по домам. Набережная пустеет, бухта и склоны, словно елочная гирлянда, подсвечиваются разноцветными огнями. Оттого огромный прибрежный город становится еще более загадочным и волнующе таинственным.

Время перевалило уже за полночь, когда мимо отеля «Лонг Бич», бережно отреставрированного в начале двадцать первого столетия, в сторону моря проследовал молодой человек высокого роста лет тридцати. Его неспешная походка выдавала

туриста, а одежда и некоторые трудно объяснимые признаки лучше всякого паспорта свидетельствовали скорее в пользу гражданства России, нежели против него. Трудно сказать, какая необходимость заставила его покинуть отель или гостевую виллу, но вскоре он подошёл к берегу моря и остановился в глубокой задумчивости, скрытый от посторонних глаз хозяйственной будкой смотрителя территории. Если бы рядом оказался кто-нибудь, возможно, любитель поздних прогулок вёл себя совсем иначе, поскольку неожиданно стал размахивать руками подобно дирижеру симфонического оркестра, как будто бы руководил невидимыми музыкантами в морской пучине.

Он так увлёкся, что не заметил подъехавший автомобиль «БМВ» третьей модели, столь распространенный в Южной Африке, и не увидел двух его пассажиров, которые не направились непосредственно к побережью, а лишь отошли немного от автомобиля. Наш не вполне обычный любитель пеших прогулок не услышал начала ссоры, вспыхнувшей между теми двумя людьми. И обернулся на звуки лишь, когда услышал женский крик. Шум прибоя не смог заглушить ни его, ни хорошо различимые слова женщины, произнесенные громко и четко:

— Let it belong to nobody!¹

Громкую ругань мужчины, хлопок выстрела и всплеск от падения в воду небольшого, но тяжелого предмета достигли слуха нашего героя практически одновременно. Любитель пеших прогулок у моря вышел из-за будки и тут только заметил автомобиль. Возле него никого не было. Однако стоило ему приблизиться и обойти «БМВ» справа, как он чуть не споткнулся о тело молодой девушки в белом свитере, ворот которого, как и соломенные волосы были испачканы кровью. Она еще дышала, и, увидев незнакомца, округлила красивые серые глаза от удивления. И тут же с облегчением, похожим на радость умирающего от прихода священника, выдохнула:

— Вы русский?

Наш герой утвердительно кивнул головой и метнулся к автомобилю в поисках аптечки, но девушка махнула рукой и с трудом выдохнула:

— Оставьте! Ранение смертельно...

Она пыталась приподнять голову, из уголков рта показалась розовая пена:

— Дайте записную... книжку. В сумочке.

Мужчина быстро выполнил просьбу, и девушка, вырвав из миниатюрного блокнотика

¹ Не доставайся никому! (англ.)

листок с единственной записью, с трудом вымолвила:

— Позвоните... телефон... в Риме.

— Что я должен сказать?

— Все, что видели... как это случилось, когда и где. Вас поймут. А сейчас... немедленно уходите... уходите... до прихода полиции. И еще... я выбросила в море...

Хрип вырвался из горла девушки вместе с потоком крови. Она откинула голову набок и затихла. Мужчина бросился зачем-то к автомашине, затем огляделся в поисках телефонной будки, отступив на несколько метров, как вдруг из-за поворота, визжа тормозами, на высокой скорости вылетела патрульная полицейская машина. Два темнокожих гиганта в форме, выскочив чуть ли не на ходу из автомобиля, наставили на незадачливого пешехода огромные стволы:

— Don't move!²

* * *

— Фамилия — имя — профессия — цель пребывания в стране — для чего находитесь в Кейптауне — с какой целью оказались ночью на

² Не двигаться! (англ.)

месте преступления? Вопросы следовали один за другим, как из пулемета, иногда повторялись и часто тасовались, как карты в колоде. Хорошо, лейтенант предложил отличный кофе, ведь по местному времени было около трёх часов ночи.

— Матвей Крылов? — загорелый крепкий офицер с забавной шкиперской бородкой, невысокий, но широкоплечий, переспросил и улыбнулся, — это Ваш предок писал смешные басни?

— Вы не только хорошо говорите по-русски, но неплохо знаете нашу литературу, — отреагировал с ответной улыбкой Матвей, — хотя фамилия эта у нас широко распространена. Впрочем, мое генеалогическое дерево своими корнями уходит очень глубоко, это так. Простите, Питер, запомятовал Вашу фамилию.

— Лейтенант Питер Рипперт, — уточнил офицер, — простите, господин Крылов, у нас мало времени. Давайте по делу. Повторяю вопрос, как Вы можете объяснить: почему в столь поздний час оказались на месте убийства?

Пожалуй, именно здесь самый удобный момент сделать паузу и представить читателям нашего героя хотя бы кратким языком полицейского протокола. Задержанный — Матвей Крылов. Тридцать один год. Гражданин Российской Федерации. Место постоянного проживания —

город Москва. Профессия — частный детектив. Цель пребывания в ЮАР — туризм. И добавить: рост один метр восемьдесят три сантиметра, вес восемьдесят килограммов. Крепкого телосложения, симпатичный шатен с серыми глазами, холост. Образование высшее юридическое. Пожалуй, пока хватит, прозвучал вопрос, и надо отвечать.

— Случайно, совершенно случайно, — честно признался Матвей, — я третий день в городе и никак не могу приспособиться к разнице во времени. Вышел подышать... Что делал у моря? Стихи читал. Волошина. Лермонтова. Мандельштама. По нелепому совпадению, повторяю, там оказался.

— И так же случайно наткнулись на труп, — продолжил лейтенант, — рядом лежал «Магнум» — орудие убийства, на котором, кстати, не обнаружилось никаких отпечатков пальцев. Другое обстоятельство. Согласитесь, русских в Кейптауне, несмотря на разгар туристического сезона, не так много. То, что убитая Ваша соотечественница, пусть бывшая, наводит на определённые и достаточно серьёзные размышления.

— Насчет соотечественников — не удивлюсь. Где их теперь только нет! Про отпечатки. Часто ли бывает, чтобы на оружии находились четко пропечатанные «пальчики», а преступник или преступники дожидались полицейских на месте

убийства, — съязвил Матвей, — вот вы упомянули вездесущую русскую мафию. Разве она настолько глупа, чтобы так поступить? Если бы я стрелял, неужели не успел бы свалить...

— Свалить? — переспросил лейтенант, — что есть свалить? Непонятное слово.

— То есть убежать, скрыться, — пояснил Матвей, — это русский сленг. Я думаю, убитая не случайно оказалась в этом месте. С одной стороны, она не хотела встречаться в ресторане или кафе. Одним словом, не выразила никакого желания светиться...

— Светиться? — перебил Питер.

— Да. То есть выявить своего знакомого или знакомых, как-то обозначить для широкой публики, выставить на всеобщее обозрение что ли, — подробно объяснил Матвей, — с другой стороны, эта девушка не побоялась привезти своего попутчика или попутчиков на своем личном автомобиле в относительно безлюдное место в поздний час.

— Но это не совсем так, — возразил лейтенант, — ее могли заставить изменить маршрут. Например, угрожая оружием.

— Верно! — согласился Матвей, — но зачем? Кстати, я заметил дорогие швейцарские часы на потерпевшей, золотой браслет и сережки с камешками. Это не ограбление. И еще. Я слышал

крики, причем, девушка кричала не по-русски.

— Вот как! Вы уверены?

— Да! Абсолютно уверен!

— Она звала на помощь? Что именно вы слышали? — спросил лейтенант.

«Сказать?» — мелькнуло в сознании Матвея, — «пожалуй, нет». Он не понял, что за чёртик возник вдруг в нем, и было ли в этом бесовском создании больше простого любопытства, авантюризма или профессионального интереса, но молодой человек просто пожал плечами:

— Знаете, лейтенант, — я не так хорошо владею английским. К тому же находился у самого моря, и шум его не позволил понять, что именно она крикнула. Но это был английский, ручаюсь.

— Плохо знаете язык? — Питер Рипперт не смог скрыть своего раздражения, — позвольте вам не поверить — сержант, который доставил вас в участок, утверждал обратное. Ладно, не хотите помочь следствию — ваше дело. Возможно, вы не были знакомы, никогда не встречались ранее и вообще не знали убитую Серафиму Фогель. Возможно, вы случайно там оказались. И хочется верить, в нашей стране вас, как обычного туриста из России, интересуется лишь наше знаменитое вино, Столовая гора, пингвины, перевал Чампенз Бей, сафари в резиденцию Кагга-Кхама и Аквариум с океаническими рыбами...

— Стандартный набор туриста, — но мне не только это хотелось бы здесь посмотреть. Например, музей русского искусства «Marlot museum» — единственный в Южной Африке, — улыбнулся Матвей, — назовите еще раз мне имя погибшей?

Лейтенант повторил.

— Я где-то слышал эту фамилию, — задумчиво произнес Матвей, — кажется, ее муж, крупный бизнесмен из Германии, вложил большие деньги в горнодобывающую промышленность Южной Африки.

— Именно так, — подтвердил офицер, — информация точная, поэтому с нашей полиции по этому делу будет особый спрос.

* * *

Матвей с аппетитом поглощал суп из креветок и лобстеров в ресторане отеля, где остановился, и приводил в порядок свои мысли. Наверное, звонок из российского посольства в Претории сделал свое дело. С него взяли подписку о невыезде, и к обеду он был на свободе. Наши дипломаты сработали четко и эффективно, всегда бы так, думал Матвей.

Однако ночное происшествие не шло из головы, как и последние слова погибшей Серафимы.

Матвей сидел и размышлял. Ничего себе отдохнул — подальше от Москвы и повседневных дел! И почему ему так не везет! Собрался в позапрошлом году съездить в Грецию — там как раз в это лето случились невообразимые лесные пожары! Взял было тур в Тайланд — как на беду цунами! И вот теперь такое приключение! Притягиваются они к нему что ли? А ведь все так прекрасно начиналось! Как понравился ему Кейптаун! Столько здесь интересного!

«Интересного и опасного! Даже очень», — подумал он. Перед ним встало лицо Серафимы. О чем просила умирающая девушка? Позвонить, только позвонить и рассказать! Надо выполнить ее просьбу и непременно набрать эти цифры телефона в Риме, написанные беглым почерком на смятом листке бумаги из блокнота.

Он хотел вернуться к себе в номер и поступить так с учётом того, что занимал отдельные апартаменты. Однако не относительная дороговизна такой услуги, а плохо объяснимое и непреодолимое опасение подтолкнуло его поступить иначе. Матвей вышел из отеля на улицу. Прошел квартала два по направлению к Национальному ботаническому саду Кирстенбош, и точно удостоверившись, что никто за ним не наблюдает, вошел в будку телефона-автомата. Так будет надёжнее!

К его удивлению на другом конце провода сразу же сняли трубку:

— Buongiorno!³

— Buona sera! — ответил Матвей, посмотрев на часы, — scusi per il disturbo. Mi dispiace molto⁴...

— Давайте перейдем на родной язык, — голос невидимого собеседника выдавал некоторое волнение, — ведь вы — русский?

— Да! Матвей Крылов из Москвы.

— Очень приятно. Простите, сейчас не могу назвать свое имя. Я так понимаю: что-то случилось!

— Да! С Серафимой. Ее...убили... ночью у моря. Я совершенно случайно оказался рядом и перед тем как...

— ... так и знал! Странно, что она сообщила вам мой номер телефона.

— Должен рассказать, как это произошло. Она крикнула...

— Слушайте меня внимательно, — голос из Рима приобрел металлическое звучание, — ради вашей же безопасности не говорите сейчас больше ничего. Уходите. Лучше посидите где-нибудь в

³ Здравствуйте (до обеда) (итал.)

⁴ Здравствуйте (после обеда). Простите меня. Я очень сожалею о случившемся... (итал.)

кафе, в любом людном месте, хотя и там не вполне безопасно... Я завтра прилечу в Кейптаун, найду вас. И тогда вы мне всё расскажете при встрече. И никому не говорите о нашей беседе. Поверьте, это действительно очень опасно. Где вы остановились и когда возвращаетесь на родину?

Матвей ответил. В трубке зазвучали длинные гудки.

* * *

Матвей повесил трубку и весьма озадаченный побрел в отель. Сегодня по программе экскурсий запланировано посещение музея естественной истории Кейптауна. Он присоединился к соотечественникам и примкнувшей к ней части украинцев, рассеяно слушая объяснения экскурсовода о самобытных племенах, населявших Южную Африку, о ее колонизации и борьбе за независимость. Потом, оказавшись от шопинга, попрощался с основной группой, сославшись на головную боль. Шагая по знаменитой улице Адерли, всматриваясь в яркие и броские витрины, пытался отвлечься, сосредоточиться на чем-то ином. Однако ни многочисленные исторические памятники, ни красивейшая растительность, ни свежий океанский ветерок не отвлекали от тревожных мыслей, связанных с ночным

происшествием.

По всему выходило: надо терпеливо ждать приезда неизвестного собеседника из Италии. Он не раз бывал в этой стране, был очарован Венецией и Флоренцией, будучи обыкновенным туристом. И возможно, именно та, первая поездка на родину Рафаэля и Микеланджело послужила толчком к изменениям в жизни и смене работы. Он оставил должность оперуполномоченного в районном отделении полиции. Устроившись в столичную фирму по продаже кондиционеров, которая налаживала контакты с Италией, усиленно штудировал итальянский, брал частные уроки, пытался читать итальянского поэта Джоаккино Белли в оригинале и наслаждался первыми успехами, когда удавалось вполне объясниться с заезжим носителем языка.

Фирма была создана при большом заводе кондиционеров, как дочерняя, и благодаря родственным связям на уровне высокого руководства, естественно, процветала. Поставки кондиционеров в жаркие страны неуклонно росли. Матвей попал, что называется, «в струю», проявив себя энергичным и предприимчивым сотрудником, точнее, менеджером по сбыту. Так его должность обозначили в трудовой книжке, но он ненавидел слово «менеджер», понимая, что так много управляющих, в дословном переводе с английского

языка, в стране быть не может. Если все будут управлять, кому же тогда работать? Матвей не был первой ласточкой, полетевшей на Апеннины, но он быстро сумел адаптироваться и работал не хуже старого Бориса Моисеевича, давно уже обосновавшегося в курортном городе Римини.

Тот передал молодому помощнику все свои наработанные за два года связи и, не будучи в силу почти пенсионного возраста легок на подъем, охотно посылал молодого сотрудника в самые отдаленные городки Италии для маркетинга или заключения сделок. Матвею такие командировки пришлись по душе, поскольку они как нельзя лучше способствовали изучению всех глубинных уголков любимшейся ему страны. Крылов скоро обнаружил в чертах характера многих итальянцев что-то родное и свойственное русским: ту же открытость, готовность помочь, а взрывной темперамент и вспыльчивость некоторых потомков римлян уже не казались настораживающим фактором.

Вскоре Матвей понял, что больше всего объединяет его и коренных жителей Апеннин: как и они, он любил Родину и одновременно ненавидел свое государство. Такая диалектика показала первые ростки в студенчестве, но окончательно утвердилась в сознании с первых месяцев работы в полиции, когда по звонку одни дела ускоренно

двигались, а другие столь же быстро разваливались. Он нервничал и не понимал, отчего уходит от наказания один, в то время как за то же самое противоправное деяние на всю катушку раскручивают второго гражданина.

Спустя полтора года Матвею было присвоено звание старшего лейтенанта. Однако не только поездка во время очередного отпуска в Италию, но в значительно большей степени неприятный, даже можно сказать трагический инцидент при задержании опасного преступника заставил уволиться из органов. Это произошло морозным январским вечером. Лейтенант получил оперативную информацию о местонахождении разыскиваемого по ориентировкам подозреваемого в совершении опасного преступления, взял из сейфа табельное оружие, сделал необходимые звонки и немедленно направился туда до приезда группы захвата, чтобы оценить обстановку и определить наиболее оптимальный план действий.

В этом районе преобладали промышленные предприятия, склады и ангары. Матвей сразу сообразил: в таком месте очень удобно скрываться — ведь все подходы к предполагаемой «лежке зверя» просматривались. Он поздно сообразил это, позвонил командиру подразделения с целью оцепить район. Но группа задерживалась, увязнув в очередной автомобильной пробке. Тут и произошло

непредвиденное. Заметил, как из одного заброшенного промышленного здания метнулась тень, и, повинаясь охотничьему инстинкту, выхватил пистолет Макарова.

О произошедшем трагическом случае впоследствии Матвей долго жалел. Откуда ему было знать, что у трижды ходившего на зону уголовника при себе не оказалось никакого оружия, ни перочинного ножика, ни банальной «заточки». Матвей бросился за подозреваемым, но зацепился за торчащую арматуру. Опер упал и, отчётливо понимая: уголовник скроется за углом, выстрелил по ногам беглеца. Потом в воздух. Наоборот он просто не успевал, как и озвучить положенное по уставу заклинание. Инструкцию надо соблюдать. Хотя бы настолько, насколько это в данной ситуации возможно и целесообразно.

Матвей не попал. То есть попал. Но не туда, куда хотел. Пуля пробила лёгкое беглеца, он упал, и был «задержан», но, попросту говоря, отправлен на операционный стол.

А потом было много бумаг. Жалобы от родственников и адвокатов «беззащитной жертвы полицейского произвола», объяснительные руководству и последующий выговор. Хорошо, как сказал ему начальник отдела, жизнь уголовника оказалась вне опасности, а то не сносить лейтенанту головы. На самого бы уголовное дело

завели!

Что ни делается, все к лучшему. Эту поговорку Матвей часто вспоминал в связи с тем дурацким эпизодом. Отец, если был бы жив, сильно бы сокрушался — он всегда мечтал, чтобы сын пошел по его стопам кадрового военного. Но старший Крылов трагически погиб. Зато матушка Матвея была очень довольна, что после увольнения из органов по собственному желанию единственный сын не задерживается в прокуренном кабинете, не сидит по ночам в засадах и не рискует каждый день на улицах драгоценной жизнью.

Матвей побродил по городу, окончательно решив для себя: ждать!

Он решил посвятить остаток дня знакомству с красивейшим городом мира, а потом воплотить в реальность давнюю мечту прокатиться на канатной дороге и посмотреть Кейптаун с высоты птичьего полета. Как все-таки здорово, что удалось приехать сюда!

Этот день и начало следующего было наполнено потрясающими впечатлениями, которые просто переполняли его. Матвей не успевал поворачивать направо и налево свой цифровой фотоаппарат, понимая, что даже самые качественные снимки не способны в малой мере отразить, и буйство весенней растительности, и неповторимый воздух с моря и его эмоции. Он

ловил в объектив величественный образец старинной архитектуры — здание Парламента, а потом стены старой крепости и вдруг в объективе среди обступивших гида туристов увидел... Серафиму.

Конечно, померещилось! Надо хорошенько выспаться, и все пройдет. Разумеется, ему показалось! Тем более, когда он внимательно оглядел толпу, никого из женщин, даже отдаленно похожих на убитую девушку, не было.

Вечером Матвей прокручивал в номере отеля сделанные снимки и от этого испытывал ни с чем не сравнимое удовольствие. Какие редкие виды! А какие великолепные краски! И тут он вновь испытал шок: на цифровом снимке, сделанном у старой крепости, среди туристов он явственно разглядел убитую девушку. Сомнений быть не могло — тот же строгий овал лица, носик с небольшой горбинкой, высокий лоб, соломенные волосы и тонкие губы. Она как будто посмотрела в его сторону. Или ему показалось? Одновременно у Матвея возникло ощущение, выработанное за годы оперативной работы: за ним ведётся скрытое наблюдение.

Телефонный звонок вывел его из оцепенения.

— Алло.

— Господин Крылофф?

Матвей узнал голос лейтенанта полиции

Кейптауна Рипперта.

— Да!

— Добрый вечер! Так говорят у вас в России? Хотя для нашей полиции он не совсем добрый. Только что на шоссе обнаружен труп одного почтенного гражданина. Он был убит выстрелом в лоб. И, представьте, тоже ваш соотечественник.

— Сочувствую, но для чего вы мне это сообщаете? Я здесь не причем, господин лейтенант! — Матвей не сумел сохранить хладнокровие и скрыть внезапно подступившее раздражение, — вы теперь все убийства русских в Кейптауне будете связывать с моей скромной персоной?

— Нет, что вы, — голос в трубке был спокоен и несколько холоден. — Ни в коем случае. Но одно досадное обстоятельство не позволяет оставить вас в покое: в бумажнике убитого профессора Архангельского, прилетевшего сегодня из Рима, обнаружен листок бумаги. Причем, не только с названием вашего отеля, но и с вашей фамилией. Как вы можете это мне объяснить?

Матвей молчал. Он на самом деле не знал, что ответить.

— Хорошо! Я прошу вас никуда не отлучаться из отеля и надеюсь на ваше благоразумие. Полагаю, нам будет полезно побеседовать завтра утром в полицейском участке, — жестко закончил Питер

Рипперт, — и не заставляйте меня прибегать к тому, чтобы доставить вас туда силой.

Матвей повесил трубку и хотел уже распахнуть настежь окно номера, так душно вдруг ему стало, но услышал настойчивый стук в дверь. Горничная или полиция? А если за дверью некто с весьма зловещими намерениями, и Матвея ждет участь несчастной девушки, убитой у моря, и профессора Архангельского, с которым так и не удалось встретиться? Впрочем, с пятого этажа не прыгнешь...

Он приготовился к самому худшему:

— Войдите!

Дверь открылась. На пороге стояла...
Серафима.

Вторая глава

В Африке сумерки быстрые, как газель. Уже стемнело, когда молодой, высокий бур Лоуренс Теллеген спешился далеко от деревни и к хижине на краю поселения темнокожего племени прошел, ведя лошадь в поводу. Это было выражением почтения к жителям, и многие обитатели поселения, завидев белого гостя, по достоинству оценили проявление такого отношения. Африканцы радушно приветствовали его, как самого дорогого гостя.

— Великий Колдун сейчас же примет тебя, храбрый воин! — в ответ на просьбу темнокожий гигант вежливо склонил копье и, посторонившись, пропустил Лоуренса в круглую хижину, нисколько не реагируя на винтовку Маузера, висевшую на плече широкоплечего юноши, одетого в военную форму армии буров генерала Крюгера.

Внутри был полумрак. На шкуре леопарда в стороне от входа восседал сам Коломбези. Он неторопливо курил свою любимую трубку. Лоуренс ощутил привычный аромат, вспомнив прошлые времена, когда он и его отец Филипп Теллеген охотились поблизости и непременно наносили визит дружелюбно настроенному племени. И, в первую очередь, приносили подарки его главному Колдуну — Великому и Непостижимому Духу Огня.

Впервые Лоуренс пришел сюда один. Без отца, который был тяжело ранен в двухдневной битве с англичанами при Спион-Коп в январе 1900 года. Прежде чем умереть, старый бур велел позвать сына и сказал:

— Это сражение за родную землю мы выиграли. Для меня оно стало последним. А жаль. Предстоит еще немало битв. Я честно выполнил свой долг, но...

Филипп замолчал, словно собираясь с мыслями или вспоминая дни тяжелых боев, на

минутку прикрыл глаза. Но потом открыл их, внимательно посмотрел на склонившегося над ним Лоуренса и продолжил:

— Я доволен жизнью, хотя жаль расставаться со смелыми и отважными бургерами. Посети Великого Колдуна Коломбези, сынок, выполни мою просьбу.

Не сразу получилось, но наказ отца он постарался исполнить. Несмотря на то, что пришлось добираться тайными дальними тропами, рискуя напороться на английский кордон. Все же прискакал молодой Теллеген в эту деревню. И вот он в хижине!

Лоуренс поклонился, снял с плеча винтовку, прислонил к внутренней стене жилища и огляделся. Вокруг Великого Коломбези висели маски. Они поражали своим разнообразием. Сплетенные из тростника или лыка, вырезанные из цельного куска черного и красного дерева или составные, в бахроме из волокон и без них. В глазницы некоторых были инстурктированы бриллианты, а другие были с металлическими зубами. Были здесь и маски-перевертыши. Если посмотреть с одной стороны — увидишь человеческий профиль. С другой стороны взглянуть — на тебя посмотрит страшная звериная морда. Иные маски соединяли в себе черты человека и населяющих землю живых существ. Взять хотя бы деревянную маску с

ветвистыми рогами!

Коломбези выпустил изо рта клуб густого дыма, и, перехватив заинтересованный взгляд белого гостя, произнес:

— Маски живут с моим народом тысячи лет. В них память предков и их сила.

Он зажег вторую трубку и протянул Лоуренсу. Юноша принял ее и сделал неторопливую затяжку. Коломбези знаком указал на место возле него, приглашая сесть.

— Есть разные маски, но есть такие, что глаза ее — глаза солнца, огня, змеи и луны одновременно, — сказал он, и есть глаза — порох.

— О да, — согласился Лоуренс, — я слышал немало сказаний вашего племени. Но разреши сначала передать тебе последний дар моего отца.

Он рассказал о последнем сражении старшего Теллегена, о его смерти и достал из внутреннего кармана мундира золотой браслет:

— Отец говорил, что это амулет, и просил передать его тебе. Сколько раз он его выручал! Как-то у Наталя я думал, что отец уже погиб, и он не прорвется через сильный огонь с двух укреплений англичан, находившихся в трехстах шагах друг от друга. Но две сотни наших всадников вырвались из кольца под страшным перекрестным огнем на глазах у всех. При этом только один человек был легко ранен в руку навывлет!

— Несомненно, такую явную милость Всемогущего Бога нужно приписать Его неисповедимым путям, а также простертой над нами Его Божественной Деснице, — заключил Коломбези. Бог один, и разные народы, поклоняясь разным богам, просто не понимают этого.

Великий Колдун поднял руки верх и возблагодарил Всевышнего. Он повернулся к Лоуренсу и внимательно взглянул ему в глаза:

— Знаю, о чем хочешь спросить, храбрый воин. Ты заглянул в лицо смерти, но смерть не так страшна. Многие люди, целые племена, населявшие Африку и другие континенты, за тысячи лет исчезли с лица земли. Но память о них осталась. Ты воюешь за свою землю, и твое имя не будет забыто, как имя многих до тебя.

— Мне отец рассказывал. Будто жили тут давным-давно могучие воины с сияющими глазами, наделенные беспримерной отвагой и открывшие в древние времена неведомые и богатейшие страны. На пороге нашего дома он рассказывал легенды об их сказочных подвигах, которые поражали воображение. Никто не мог выдержать их взгляда, и они были непобедимы, и глаза их сверкали подобно солнцу, — вспомнил старую легенду Лоуренс...

— Это правда! — торжественно вымолвил Коломбези.

Потом колдун замолчал. Взгляд его

устремился куда-то вдаль, как будто Колумбези хотел услышать чей-то далекий голос. Потом он сказал:

— До меня доносится запах гари...

— Это по приказу английского главнокомандующего генерала Робертса горят фермы буров, — объяснил Лоуренс, — а по указанию генерала Китченера тысячи женщин и детей буров согнаны в концентрационные лагеря. Это больно видеть. Наш народ уничтожают. Но мы должны победить. Пусть английские войска отрезали нас от морских портов, пусть мы ощущаем нехватку продовольствия и боеприпасов, силы еще есть. Многие страны на нашей стороне. А Россия, Германия, Австрия и Голландия прислали своих добровольцев, храбро сражающихся за нашу независимость. Сколько их уже сложило головы.

Лоуренс тяжело вздохнул. Он вслед за колдуном явственно почувствовал запах пожарищ. Много раз он проезжал мимо таких пепелищ. Иные дороги Южной Африки внушали ужас. На обочинах иных путей лежали вздувшиеся трупы лошадей и мулов, кое-где разбитые и сломанные повозки. Лоуренс не обращал на это пристальное внимание после сражения у Никольсон-Нэка в октябре 1899 года. Тогда бурские войска под командованием генерала Жубера наголову разбили англичан и в ноябре этого же года выбили

неприятеля из городка Эсткорт. А вот при отступлении буров почему-то пепелища раздражали.

— Ты хочешь спросить, как победить могущественного врага? — прервал молчание Коломбези, словно угадав мысли юноши.

Тот кивнул.

— За пустыней есть одна пещера. Непросто добраться туда. Дикие звери и жестокие знойные бури преграждают путь смельчакам. Многие сложили свои головы на этом пути. Ты слышал что-нибудь о сокровищах царя Соломона?

— Да, мне говорил об этом отец! Как будто бы древний царь Соломон спрятал в одной из многочисленных пещер в тех горах бриллианты и золото в несметных количествах, — признался Лоуренс, — но это место и пещеру найти не смог никто.

— Золото, бриллианты! Пустое... Так вот. Есть сокровище куда более ценное, чем эти камни и желтый металл, из-за которого начались несчастья этой страны, — сказал Коломбези, — одна сокровенная легенда моих предков гласит: много тысяч лет назад неизвестно откуда здесь появились полулюди-полубоги. Они спрятали в одной из пещер нечто такое, что дает человеку сверхъестественную силу и мощь над людьми. И не каждому дано подчинить себе это чудо.

— Власть над людьми нужна не нам, но англичанам! Нам же, бурам, дороже всего свобода своей страны, — ответил Лоуренс.

— Правильно, воин — Коломбези с уважением посмотрел на собеседника, — какие сокровища могут сравниться со свободой! И я вижу: настал момент, когда я могу доверить тебе важную тайну. Пришла пора вручить тебе это сокровище. Мне передали его воины той земли.

Он открыл кожаную сумку и достал деревянный предмет:

— Это волшебная маска непобедимого воина. Того, кто оденет её в бою, невозможно одолеть, а сам он становится десятикратно сильнее. Маска будет обладать магической силой при одном условии.

Коломбези достал из сумки крупный алмаз и произнёс:

— В одном из гротов далёкой пещеры ты увидишь брешь и струящийся сверху волшебный свет. Направь его через этот алмаз и тут же надень маску. Запомнил?

— Да, — ответил молодой воин, принимая маску и алмаз из рук вождя.

— Как достичь этой пещеры, я расскажу только тебе, — продолжил Коломбези. — Она находится очень далеко. Нужно пересечь главную пустыню. Найти высохшее русло реки, а потом,

пройдя по нему, повернуть на запад, ориентируясь на путеводную звезду в созвездии Южного Креста. Сейчас стемнело, небо безоблачное, и я могу показать тебе ее на небе.

Коломбези поднялся и жестом показал Лоуренсу на выход из хижины.

— Вот, видишь — третья от той красной звёздочки. Я на словах расскажу тебе про приметы, которые помогут найти верный путь.

Колдун коротко рассказал про них. А потом присел, словно утомившись...

Молодой бур понял, поклонился. Он хотел было на прощание горячо поблагодарить вождя. Однако в этот самый момент на входе в нее появился рослый африканец. Лицо его выражало тревогу:

— О великий вождь! Сюда по восточной дороге скачут белые. Много!

— Хорошо, Макатуту! Можешь идти! — вождь Коломбези сохранял невозмутимое спокойствие.

— Мне не следовало приезжать сюда, вождь, — воскликнул Лоуренс, — тебе могут отомстить англичане. Я уйду, но скоро вернусь. Спасибо!

Лоуренс выскочил из хижины. Он вскочил на жеребца и поскакал прочь из деревни в противоположном направлении тому, с которого

могли с минуту на минуту появиться враги. Спустя полчаса, молодой человек, остановился на краю рощи и прислушался. Было тихо. Так тихо, что даже гиены, часто устраивавшие по ночам свои концерты, на этот раз примолкли, давая возможность Лоуренсу вслушаться в ночь.

Молодой бур задумался. Слова Коломбези снова возникли в его сознании. Они были подобны сухому хворосту из буша, который хранится в хижине, высыхая и ожидая своего часа, чтобы вспыхнуть в нужный момент жарким пламенем. Отец Лоуренса рассказывал как-то про некую тайну, окружавшее племя и хранителя секретов Коломбези, который получал их по наследству как и титул. Ведь все в его роду были великими колдунами.

Отец признался, что сам получил такую информацию от старого бура из Зулуленда. Все это очень походило на правду, подумалось Лоуренсу. Сопоставляя услышанное из уст вождя со словами старшего Теллегена, молодой Бур тронулся в путь. Надо было пересечь поле, а впереди предстояла длинная дорога в лагерь бурских повстанцев.

Верный конь, как только Лоуренс вскочил в седло, словно чувствуя нетерпение хозяина, взял неплохой темп по пересеченной местности. Ветки били Лоуренса по лицу, но он не обращал на это внимания. Его жеребец легко взметнулся на один

холм, второй, третий. И вдруг, за изгибом дороги, перед четвертой небольшой возвышенностью, захрапел и снизил темп, а потом издал не громкое, но тревожное ржание.

Лоуренс правильно понял своего верного спутника и моментально выхватил из подсумка верную, не подводившую доселе винтовку Маузера. Он увидел резко взметнувшихся над вершиной возвышенности пятерых всадников, узнал в них своих непримиримых противников и прицелился. Успев заметить, как один англичанин в суконной форме заваливается с седла набок, Лоуренс прицелился во второго врага. Однако промазал и вторым выстрелом убил лишь лошадь под всадником.

Вдруг земля качнулась под ним. Его верный Спартак рухнул как подкошенный, а Лоуренс каким-то чудом успел выпрыгнуть из стремян.

Он услышал свист пули и почувствовал, как одна из них ударила в сумку. Раздался хруст — значит, пуля попала в маску, но Лоуренсу было некогда разглядывать, что с ней произошло. Бежать от конных людей было бессмысленно, но в плен сдаваться он не собирался. Молодой бур выстрелил в надвигавшегося всадника, лошадь которого взвилась на дыбы, но в этот момент страшный удар сзади по голове поверг Лоуренса в темноту. Это один из подоспевших всадников-англичан с

размаху ударил Лоуренса прикладом карабина.

* * *

— Как тебя зовут? — акцент плохо различимого в темноте собеседника выдавал бура из Наталя, и Лоуренс ответил. Он приподнялся на лежанке из соломы, оглядев полутемный сарай с небольшим отверстием в верхней части противоположной стены и, ощутив страшную боль в затылке, выдохнул, с трудом узнав свой ослабевший голос.

— Где мы?

— Меня зовут Роберт, — сначала услышал Лоуренс, — понятно, где. В плену. Я, например, тут уже три дня.

— А какое сегодня число?

— С утра было двадцатое февраля 1900 года.

— Ничего себе — Лоуренс присвистнул, — получается, сутки провалялся без сознания.

Ему теперь интересно было разглядеть товарища по несчастью. Это был его ровесник, и он сразу же почувствовал к нему определенное расположение. Может быть, этой слабой симпатии способствовало определенное сходство во внешности. Тот же высокий рост и комплекция. Возможно, оттого, что этот молодой бур был хозяином таких же небольших, выгоревших на

солнце усов, которые Лоуренс отпустил больше для солидности, чем из желания иметь этот атрибут мужчины. А может, из-за одинаковой, хотя и изорванной военной формы.

Лоуренс назвал себя и, морщась от ноющей боли в голове, встал и прошёлся по затемнённом помещении. Роберт с участием взглянул ему в лицо и, словно угадывая его мысли, пояснил:

— Двое часовых. Один стоит у сарая, второй обходит по периметру все постройки. Меняются через каждые два часа.

— Вот чёрт! А ты наблюдателен, — похвалил Лоуренс юношу.

— Был корректировщиком огня артиллерии, — не без гордости пояснил Роберт, — прямое попадание, из нашего расчёта я один уцелел. Оглушило, так и попал в плен. По-глупому!

— Я тоже так, — горько вздохнул Лоуренс, — угодил в засаду, но двоих, кажется, успел уложить.

— Должен тебя огорчить, — бросил Роберт, который любил точность. Когда тебя привезли, я в окошко осторожно наблюдал. И трупа у англичан я не видел. Плечо у одного всадника было недавно перевязано, это точно и ещё заметил: на одной лошади ехало двое. Выходит, одного из врагов ты ранил, а под вторым застрелил коня.

Лоуренс искренне выругался. Два раза промахнуться ему, сыну старого охотника, не раз

охотившегося в саванне, было большим позором. Роберт почувствовал неловкость и поспешил утешить пленника:

— Не огорчайся! Ты же не ожидал такого внезапного нападения! Главное, сам жив остался.

— Не ожидал! — взорвался Лоуренс, — я на войне, а на войне всего можно ожидать. Если бы коня подо мной не убили, может, успел бы уйти от погони.

Он горестно вдохнул, вспомнив своего крепкого скакуна. Его подарил ему отец на день совершеннолетия, купив на дальней бурской ферме. Три года Спартак прослужил ему верой и правдой. Был неприхотливым и выносливым, привязался к Лоуренсу, как к верному другу. Каждый раз при встрече конь приветливо ржал и весело косил выразительным большим глазом. И вот теперь Спартак не стало.

Лоуренс издал хриплый стон и сжал кулаки.

Роберт подошёл и похлопал его по плечу:

— Сочувствую, брат! Но нам сейчас надо о себе подумать. Интересно, что они с нами будет дальше делать? Расстреляют или бросят в тюрьму...

— Во всяком случае, домой точно не отпустят, — усмехнулся Лоуренс. — Это мы, буры, в 1899 году, если помнишь, отбирали оружие у пленных англичан, брали слово не воевать и отпускали с миром. Как бы не так! Они потом снова

на нас войной шли! А наших англичане ни одного пока таким же образом не отпустили. Сколько буров брошено в концентрационные лагеря? А сколько наших пленных солдат увезли на Цейлон и на остров Святой Елены?

— Так у нас же нет колоний, — привел аргумент Роберт, — потому что нам не надо чужой земли. Помнишь, брат, что сказал президент Трансвааля старик Крюгер? Прежде, чем погибнет Трансвааль, буры удивят весь мир!

— Правильно! — с восторгом отозвался Лоуренс, — так и будет!

Он приблизился к пленнику и, понизив голос, предложил:

— Если подвернётся момент, бежим!

— При первом же удобном случае! — ответил Роберт, — давай договоримся, если кто-либо моргнет два раза — внимание, три раза моргнёт — бежим! Плен мне не по душе!

— Хм, как будто мне он нравится, — ответил Лоуренс, — значит, договорились.

Обменялись рукопожатиями. Помолчали.

— Мы победим. Это точно. — Нарушил паузу Лоуренс, — Смотри, сколько стран нам помогают. В наших рядах добровольцы из Голландии, Франции, России, Германии. А отец перед смертью мне рассказал, что прочитал в газете: в столице России, в Санкт-Петербурге создан комитет по

оказанию помощи раненым бурам под руководством пастора голландской церкви Хендрика Гиллота. Он в прошлом году собрал 70 тысяч рублей и организовал «Русско-голландский походный лазарет». А потом было собрано еще сто тысяч рублей. А видел русских санитарок на позициях?

— Видел, — подтвердил Роберт, — красивые! Русским мы нравимся, наверное, потому, что бородатые буры на сибирских мужиков чем-то похожи. Тоже крепкие ребята! И природа у них такая же дикая, необузданная. А скажи, может, приходилось тебе слышать, хватит ли нам оружия?

— Кое-что знаю, — Лоуренс вспомнил рассказы командира, — винтовок закуплено много в Германии, есть пулемёты. Про патроны к пулемётам не знаю, а вот насчёт винтовок слышал про большой запас. От шести до семи миллионов штук для каждой из систем. Хоть винтовку Генри-Мартини возьми, хоть немецкую системы Маузера, хоть австрийскую «Гра». Ты заметь, Роб, винтовка Маузера в Европе еще не стоит на вооружении, а мы всю ей воюем. Хорошая вещь!

— Тут, брат, всё дело в том, кто к какой винтовке привык, — мне больше Генри-Мартини по душе. Правда, не успел я пострелять из неё. Меня в артиллеристы перевели. Зато одно точное попадание, и сразу какой результат! —

отреагировал Роберт, — знаешь, что наши научились в мастерских горного общества делать стальные гильзы и снаряды, а динамитная фабрика теперь делает порох. А, скажи, что насчет продовольствия ты слышал?

— Командир говорил: хватит, — уверенно заверил Лоуренс, — несмотря на то, что англичане вывели из строя часть ферм. Мы же весь прошлый год время даром не теряли и через бухту Делагоа завозили муку, зерно и мясные консервы из Америки. Президент Крюгер ведь заранее чувствовал: дело идёт к войне!

— Да, предвидел! Сохрани его Господь! — Роберт перекрестился. Лоуренс последовал его примеру.

Внезапно за дверью раздался шум. Она распахнулась, и в дверном проёме показался английский офицер. Он внимательно оглядел пленников, скрылся, вслед за ним зашёл солдат и громко скомандовал:

— Get out!⁵

* * *

Море с утра успокоилось. Их плавучая

⁵ Выходи! (англ.)

тюрьма третий день стояла на рейде Коломбо, примерно в четырёх-пяти милях от берега, и англичане комплектовали партии по сто-сто пятьдесят человек на каждый день. Затем шлюпками перевозили арестованных буров на берег. В первую неделю плавания в трюме британского сухогруза, наспех переоборудованного для транспортировки людей, было просто невыносимо. Англичане держали пленников взаперти, никакой естественной вентиляции не было предусмотрено, и лишь после того, как одному из арестованных — пожилому капралу из Стормберга — стало плохо с сердцем, и он внезапно скончался, было принято решение: часть арестантов разместить на верхней палубе. Тюфяки расположили вплотную друг к другу, но арестованных это не смущало. В числе тех, кто бросился занимать места наверху, были Роберт и Лоуренс.

Эти молодые буры так и держались вместе. Сначала их связали одной верёвкой. И всю дорогу сначала в кибитке до железнодорожной станции, а потом в дощатом вагоне, предназначенном для перевозки скота, они так и не разлучались, соединенные не только привязью, но и одним порывом душ к свободе. Эта мысль не оставляла их и во время остановки судна в Дурбане, но обстоятельства сложились не в их пользу. Трюм

закрыли на засов, и часовой выпускал арестантов только по одному и лишь в случае настойчивых просьб последних ввиду необходимости отправления ими естественных надобностей. К тому же во время такой прогулки Лоуренс заметил мелькнувший недалеко от судна чёрный плавник акулы, вспомнив рассказы моряков о том, что воды Индийского океана у Дурбана буквально кишат этими людоедами.

Акулы, как было известно друзьям, водились и в океанских водах вблизи Цейлона, хотя за три дня они не заметили пока ни одного хищника. Это обнадеживало. Радовало и то, что конвоиры буров явно расслабились, видя скорое завершение всей операции по доставке пленных. Они развязали пленных, не так бдительно следили за их перемещениями по верхней палубе. И бурам надо было не мешкать. Не завтра — послезавтра они не по своей воле ступят на землю британской колонии, чтобы работать на чайных плантациях, и кто знает, вернутся ли когда-нибудь на благословенную родную землю Южной Африки.

Во время плена Лоуренс вновь и вновь возвращался к невесёлым размышлениям. Почему так не везёт его народу? Он знал, что первые буры-колонисты нашли своё пристанище на крайнем юге африканского континента ещё в конце XVII века. Они основали Капскую колонию, но и

здесь их не оставили в покое. Во время наполеоновских войн Великобритания захватила территорию, обустроенную голландцами, и превратила её в свою колонию. Потомки голландских колонистов — буры — не захотели жить под властью англичан и, погрузив в фургоны свой скарб, вынуждены были бежать на север. В исторических документах его народа это драматическое событие называлось Великим Переселением. Путь был долгим и трудным. Впереди буров ожидали суровая африканская природа, враждебные дикие племена, опасные звери и неизвестность.

Но это не испугало стремящихся к независимости буров. Они шли через горные хребты, через безводные пустоши. В фургоны запрягали по 20–24 пар волов. Внутри фургонов сооружались полки, чтобы могли спать женщины и дети, а в голове колонны и по бокам передвигались хорошо вооружённые всадники. Они были всегда готовы к отражению всевозможных нападений, которые нередко случались. Такие колонны передвигались очень медленно. Места для стоянок выбирались на несколько месяцев, с тем, чтобы посеять и убрать урожай, подрастить скот и запастись провизией для дальнейшего пути на север, в глубь африканского континента. Великое переселение началось в тридцатых годах XIX

столетия и завершилось только спустя двадцать лет. В пятидесятые годы XIX века на новых землях были созданы две республики — Оранжевое свободное государство, которое в просторечии называлось чаще Оранжевой республикой и государство с официальным названием «Южно-Африканская республика», которая больше известна, как Трансвааль.

Дед Лоуренса был в числе тех, кто шёл с фургонами, а отец его появился уже на свободной земле. Первое время, когда пахали и находили алмазы на своём огороде, в прямом смысле перебрасывали их за изгородь, чтобы не мешали работе. Об этом Лоуренс узнал от отца, а тому рассказывал дед, горько сетовавший, что алмазы, а затем и разведанные богатейшие месторождения золота в корне изменяют жизнь бурских республик Трансвааля и Оранжевой. Ведь первое десятилетие после Великого переселения никто не докучал бурам, а открытие в 1869 году Суэцкого канала и вовсе должно было обречь их маленькие аграрные страны на забвение от остального мира. Ведь многие суда, следовавшие из Европы в Китай и Индию, уже не должны были огибать Мыс Доброй Надежды.

Страна могла навсегда оказаться на задворках цивилизации, но бурам и не надо было этой самой цивилизации. Строгая, непритязательная и

размеренная жизнь земледельцев на лоне природы, прерываемая на молитвы и пение псалмов, их вполне устраивала. Так и получилось бы, если бы, начиная со второй половины столетия, всё чаще и чаще на территории свободных республик не стали находить золото, в корне изменившее жизнь гордых потомков переселенцев!

В церковной школе Лоуренсу рассказывали, что первые попытки захватить Трансвааль Великобритания предприняла ещё в 1877 году, и это удалось осуществить небольшому отряду английских солдат без единого выстрела. Но через три года буры сбросили эту власть, восстановив независимость. Отчасти это произошло потому, что в те годы англичане не рассматривали бурские государства как серьёзное препятствие для своей экспансии в Африке, но к концу столетия обстановка вновь накалилась. Отец сказал тогда Лоуренсу: в воздухе запах войны, и он с каждым днём и даже с каждым часом всё ощутимее.

Так оно и вышло. Лоуренс и Роберт во время своего вынужденного двухмесячного пребывания на борту сухогруза много разговаривали и рассуждали. Но оба горячо поддерживали решение президента Крюгера о начале войны, потому что избежать военного столкновения всё равно бы не удалось. На борту они близко сошлись и с другими пленниками. Двое из них, также находившиеся на

верхней палубе, внушали наибольшее доверие и были не менее крепкими на вид. Из разговора выяснилось: плавают они неплохо. Все эти пленные буры взяты были англичанами в плен в дни недавних боев. Тогда небольшое соединение генерала Христиана Девета наткнулось вследствие нелепой штабной ошибки на громадные силы неприятеля и приняло неравный бой. Генерал Девет занял высоты холмов, имея у себя под начальством тысячу человек, англичан же оказалось 20 тысяч при 24-х больших полевых орудиях и 2 пулеметах. Англичане были под командованием известных военачальников — лорда Китченера и лорда Метуэна.

Семь человек буров были направлены в засаду. К ним вскоре был послан посыльный, которого сразила шальная пуля. Оттого они не знали, что генерал принял решение о передислокации и решил оставить свои позиции. Узнали они об этом только тогда, когда были окружены англичанами, и сопротивляться было бессмысленно. Тем не менее, сдаваться никто не захотел, и завязалась схватка. Пятерых буров убили. А их двоих скрутили, связали, оставили на двое суток без пищи на протяжении всего пути в Кронштадт, где поместили в тюрьму, из которой потом перевезли в Блумфонтейн, а затем в Кейптаун. Так они присоединились к

военнопленным, направляющимся на тропический Цейлон.

Третий кандидат на рискованное мероприятие был легендарной личностью — невысокий по сравнению с Лоуренсом и Робертом, но широкоплечий Вилли — уже пытался бежать при погрузке в Кейптауне, но был пойман охранниками-всадниками и за это целую неделю провёл на корабле в деревянных колодках на ногах. Трое товарищей тоже были полны решимости вырваться из плена. Этих молодцов и посвятили в детали предстоящего побега.

Крепыш Вилли немало повидал. Был не раз в горячих схватках и выходил из них целым и невредимым. Но бой у реки Тугеле оказался для него роковым.

— В этот жаркий день нам надо было встретить врага на горном перевале, — поведал Вилли, — жара стояла нестерпимая. Утолив жажду из ледяного родника, пробивавшегося из горной расщелины, мы набили свои патронташи двойным комплектом патронов, сунули вдобавок к этому несколько пачек в карман и стали карабкаться на скалу. Чем выше мы поднимались, тем чаще и чаще стало раздаваться зловещее завывание снарядов. Иногда слышался свист пролетающих пуль, и тогда наши brave вояки шутили: «Та пуля, которую слышишь, не твоя. Свою не услышишь». По мере

приближения к противнику всё чаще и чаще брызгами летали во все стороны мелкие камни, комья земли.

Как только мы пересекли неглубокую балку, у меня защемило сердце предчувствием страшной близости неминуемой смерти. Я уже приготовился достойно умереть за родину, но вид наших раненых и искалеченных, а также безнадёжных умирающих, вокруг которых уже перестали возиться санитары, вызывал нытьё под ложечкой.

Вилли вздохнул, и окружившие его буры вспомнили подобные сцены, мысленно перенеслись в дни боёв. Всем было знакомо это чувство. Лоуренс кивнул: продолжай.

А потом наш отряд буров и волонтёров, среди которых было немало русских, спрятался за камнями, мы застыли, слились с выступами земли, скрывающими их от залпов противника, — продолжил солдат, — мы ждали сигнала к атаке, не суетясь, не волнуясь, крепко сжимая приклад винтовки. И потом по команде с флангов справа и слева затрещали частые винтовочные выстрелы, засверкали гильзы, застучали два «Максима», в горле защекотало от едкого порохового газа. «Komm an, kerls!» — закричал наш командир. И то же самое по-русски: «Вперёд, братья!»

Я поднялся вместе со всеми. Не помню, как очутился в полосе огня. Там, как мне показалось,

даже скалы дрожали и шевелились, готовые рухнуть на землю. Спереди упал наш командир, сражённый наповал, падали мои друзья, у самых ног фонтанчики земли взметали пули, но я, как загипнотизированный, бежал и бежал вперёд, падал, снова прицеливался и стрелял в фигуры в английской форме. И бежал вперёд, не обращая внимание, как рвутся без счета шрапнели и медленно расплываются в воздухе дымки снарядов, затмевая яркий свет солнца пеленой дыма.

Когда англичане были от нас всего в 100 ярдах, я увидел в их среде какое-то замешательство, какие-то нелепые взмахи руками, но, лавируя между камнями, пробирался к вершине. Наших оставалось всё меньше и меньше. Немало русских товарищей также полегло у этих скал. Я прицелился в солдата в форме хаки. Но, как оказалось, магазин был пустой, и в этот момент меня накрыло ударной волной.

Очнулся я уже в плену. В тот день англичане удержали высоту, потому что к ним подошло подкрепление. Вот так!

Вилли снова вздохнул, и Роберт похлопал его по плечу. Мол, держись, брат, мы ещё повоюем. После плена все собирались вернуться на Родину и снова драться с врагом. Но для этого надо было воплотить в жизнь их план побега.

Лоуренс заметил: ночной охранник через два

часа после начала дежурства и подачи сигнала ко сну уходит пить чай к своему напарнику по караулу на другую сторону сухогруза. По всей вероятности, английские конвоиры совершенно не воспринимали всерьёз мысль о возможности бегства арестантов с судна. Ведь большая часть военнопленных буров уже находилась в бараках Коломбо, остальные окажутся там спустя непродолжительный срок, так чего переживать! Тем более, как поняли молодые буры, до них никому ещё не удавалось убежать с судна. И ещё одно обстоятельство: куда направятся они без воды и пищи? Если бы сухогруз стоял в Дурбане, тогда понятно: они оказались бы в своей, пусть даже и оккупированной стране. А в колонии английской короны скрыться им некуда! Не в джунгли же к диким зверям побегут?

План был предельно прост: на рейде стояли и другие корабли. Если бы добраться вплавь до них! И надо же случиться такому счастливому случаю: примерно в полумиле от английского сухогруза позавчера бросил якорь русский пароход — по очертаниям большое торговое судно. Роберт разглядел его флаг и не скрывал своей радости. Чуть дальше и ближе к острову стояло другое судно, небольшой флаг которого не удалось хорошо рассмотреть. Было решено: по одному, в ночной темноте, незаметно для часового проскользнуть к канату, спуститься по нему в воду и плыть к

русскому кораблю.

В тропиках темнеет мгновенно, а в вечерней мгле время тянется на удивление медленно. Особенно, когда душа переполнена ожиданием предстоящего освобождения. Буры старались вести себя как можно более непринуждённо, Роберт даже заставил себя сделать исключение и приветливо поговорил с охранником, расспросив молодого матроса про обстановку на острове и условия их дальнейшего пребывания. Тот отвечал отрывисто, видимо торопился откусать чаю со своим земляком из Ливерпуля. Выждали минуту. Тихо. Первым пошёл крепыш Вилли.

— Смерть или свобода, — шепнул он оставшимся товарищам по несчастью. Бесшумно, словно кошка, проскользнул мимо них. Лоуренс прислушался: тихо. Он махнул Роберту. Так, с небольшими интервалами все спустились по канату в воду.

Плыть в одежде было нелегко, но вода была на удивление тёплая. Лоуренс прислушивался к звукам и, стараясь производить как можно меньше шума, плыл, выдерживая курс на сигнальные огни русского парохода. В темноте он не видел других своих товарищей, кроме Вилли, который плыл очень медленно и поэтому вскоре Лоуренс поравнялся с ним, быстро сообразив, что, говоря о своём умении хорошо держаться на воде, Вилли

весьма и весьма преувеличил. Плавал он неважно. Лоуренс приказал сбросить ему всю одежду, сам подал пример. Он решил никуда не отлучаться от упрямого крепыща, которого оставляли последние силы.

Тот захлёбывался. Вот голова его ушла под воду, на мгновение показалась на поверхности и скрылась вновь. Лоуренс нырнул. Каким-то чудом ему удалось подхватить Вилли, подняться с ним на поверхность воды. Лоуренс понимал: у них почти нет шансов спастись вдвоём: до русского парохода было пол пути, но и бросить товарища в беде было не в его правилах. Тот делал руками протестующие знаки, с хрипом призывал бросить его и вдруг исчез в воде. Страшная догадка пронзила Лоуренса. Вилли понял всё по-своему и принял решение.

Нет, так не должно быть! Нельзя уходить так, когда он ещё в силах помочь! Они выкарабкаются! Лоуренс нырнул, и снова счастье улыбнулось ему. На глубине около двух ярдов он подхватил обмякшее тело товарища и поднял его на поверхность воды. Подхватив под мышки, стал буксировать, думая лишь об одном — как можно скорее достичь спасительного парохода. Кровь стучала в висках. Он захлёбывался солёной тёплой водой и плыл, плыл...

Лоуренс старался держать голову Вилли над водой и начал терять сознание, когда прямо над

ухом слышались слова команд на незнакомом ему языке:

— Нечипоренко! Лево на борт! Суши вёсла! Мичман Лурье, боцман Живаго! Принимай!

Сильные руки резко выхватили Вилли и Лоуренса из воды, они очутились в лодке. Она тут же развернулась и поплыла в противоположную сторону.

* * *

Российский пароход «Златоуст» возвращался из Владивостока в город русской славы Севастополь. Он был зафрахтован военным ведомством для перевозки военной техники на Тихий океан, а обратно принял груз древесины ценных пород и попутных грузов в северо-восточных портах Китая. Погода стояла великолепная, и свободные от вахты матросы наслаждались тихим спокойствием тропического вечера, наблюдая фосфоресцирующую поверхность воды и вдыхая полной грудью влажный, тёплый, йодистый воздух южных морей.

— Погляди, Семён, красота какая! — боцман Живаго сделал рукой широкий круг, приглашая стоявшего рядом матроса разделить его изумление, — а воздух.

— Ага, — кивнул тот, — красота! Но у нас,

под Саратовом, воздух не хуже. Особенно на покосе да после грозы. Ты скажи лучше, Петрович, правда ли, что тут, на Цейлоне, в джунглях людоеды живут?

— Брехня! — веско отрезал тот, — про людоедов не слышал, а вот, помнится, стояли тут позапрошлый год, так местные сорви головы — туземцы ночью подобрались к бортам незаметно и много у нас гаек поскручивали.

— На что им гайки, — удивился молодой матрос.

— Вот! На что? — усмехнулся Живаго, — ты сам-то как думаешь?

— На велосипеды?

— Не угадал, брат! Нету у них велосипедов! Ты путаешь! Это в Китае их полно! И гайки-то большие, совсем не годятся они для велосипедов! Соображай, салага!

— А на что?

— Сразу видно, не рыбак ты! — боцман подкрутил усы и важно добавил, — на грузила для рыбалки туземцы наши гайки используют. А мы спохватились, мама дорогая, ещё немного и весь корабль бы растащили. Шучу, конечно.

— А что большая тут рыба водится? — не унимался матрос, — у нас на Волге, знаешь, Петрович осетры какие и белуги? Два и три метра!

— Два и три метра! — передразнил

Живаго, — тута бери больше! Конечно, тут рыба и покрупнее и пострашнее твоих белуг водится. Есть и такая, что человека съест и не подавится! Вот где людоеды-то!

Боцман вытащил из кармана трубку, чиркнул спичкой, не спеша, раскурил, пыхнул клубом дыма в лицо салаги, рассмеялся. Он вспомнил все свои морские путешествия, вспомнил во всех мельчайших деталях, как будто бы память пронесла его по безбрежным просторам мирового океана со скоростью внезапно возникшего цунами.

Вдруг слышались всплески воды. Живаго насторожился и стал напряжённо всматриваться в темноту, потом побежал вдоль по палубе, направил в сторону всплесков прожектор, пригляделся и уже точно рассмотрев то, что находилось в воде, скомандовал:

— Человек за бортом.

На его слова по годами отработанному сценарию справа и слева уже бежали люди, Семён прихватил спасательный круг, мичман откуда-то извлёк пробковый жилет. Но никого спасти в этот момент не понадобилось. Высокий и загорелый молодой человек без рубахи, но в арестантских штанах по канату уже вскарабкался на борт и не скрывал своей радости:

— Robert! May I introduce myself? My name's

Robert Natal!⁶

Он несколько раз перекрестился и горячо благодарил обступивших его российских матросов.

— Robert! Yes! — боцман немного понимал международный язык и сам на бытовом уровне говорил по-английски, — I understood you⁷.

И, повернувшись к подбежавшему первому помощнику капитана Крутогорову, заметил:

— Уголовник что ли? Что с ним делать прикажете?

Первый помощник капитана по-английски говорил ещё лучше. Он вступил в беглый разговор с пловцом. Кто это был, вы, конечно, догадались, и уже спустя короткое мгновение помощник капитана отдавал распоряжение о спуске на воду шлюпки. А затем, внимательно всмотревшись в измождённое лицо Роберта, крепко пожал ему руку. И отдал лаконичное распоряжение:

— Двести грамм водки, закусить, горячий чай, тёплую одежду! А потом — в лазарет!

Не знающий ни слова по-русски Роберт, как ни странно всё понял, протестующе замахал рукой,

⁶ Роберт! Могу я представиться? Моё имя — Роберт Наталь (англ.)

⁷ Роберт? Да, я тебя понял (англ.)

залопотал по-английски, потом в волнении перешёл на экзотический для русского уха язык африкаанс.

Крутогоров махнул рукой, разрешая, и Роберт побежал в сторону спускаемой шлюпки, умудрившись запрыгнуть в неё, когда она уже начала своё движение вниз. Он порывался помогать грести и всматривался в ночную тьму, откуда вскоре луч мощных прожекторов «Златоуста» выхватил Лоуренса, плывущего на спине с бездыханным телом Вилли.

Если бы человек не развлечения ради, а во имя благородной цели спасения жизни других людей мог ускорять или замедлять время! Может быть, тогда он знал бы ответ на вопрос: почему чудеса происходят так редко? Чудо не произошло, и душа Вилли — честного гражданина президента Крюгера и храброго солдата генерала Девета — уже начала свой путь в рай, где, несомненно, успокоится среди душ таких же храбрых защитников своей страны.

Лоуренс натужно закашлялся, пришёл в себя, увидев лицо Роберта.

— Вилли!

— Вилли рядом с тобой, но... он ушёл от нас! — Роберт тяжело вздохнул, — ты сделал всё, что мог.

На пароходе их ожидало другое печальное известие. Ещё двое бежавших буров в темноте

сбились с нужного курса и проплыли в сторону от русского парохода, и как было замечено вахтенными, подняты на борт судна, стоящего неподалёку от «Златоуста».

— Чёрт возьми! Как же им не повезло! Ведь это же английский транспорт, — горько вздохнул помощник капитана, добавив несколько крепких выражений.

Он быстро сообразил, что очень скоро о побеге будет известно англичанам, и поспешил в каюту капитана.

Третья глава

Девушка была взволнована, но огромным усилием воли пыталась держать себя в руках. Это не ускользнуло от опытного взгляда Матвея. Он шагнул вперед, плотно прикрыл дверь и провернул замок на два оборота:

— Серафима!

— Нет. Она убита. Я ее сестра. Меня зовут Маша Телегина. Между нами разница в год, и мы похожи. Но все это не так важно. Поймите: вам грозит смертельная опасность. Так получилось, одна наша семейная тайна стала известна людям из мафии. Моя сестра сейчас в ссоре с мужем, а он с ней связан.

— Но при чем тут я! — воскликнул Матвей.